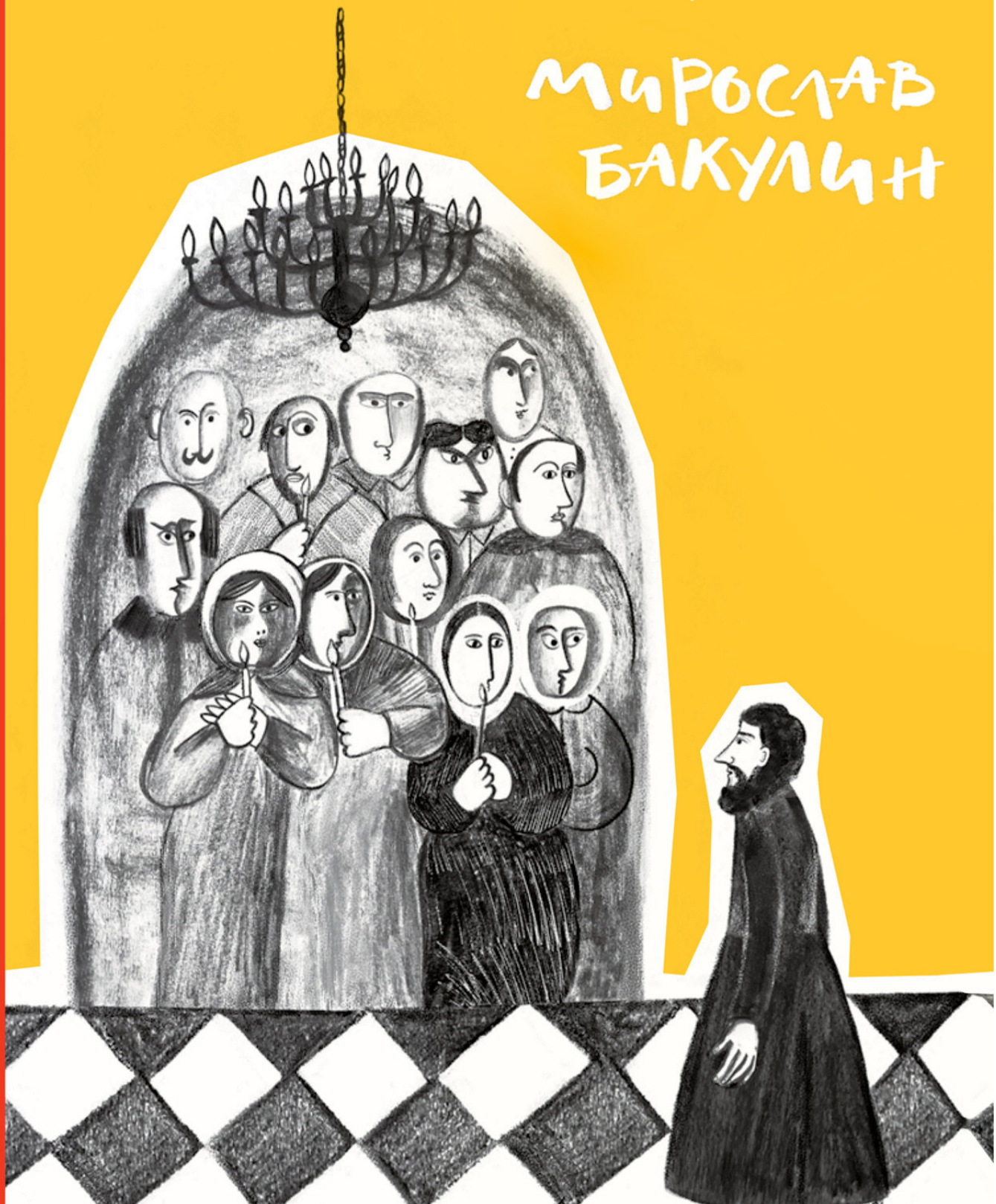
Легко ли быть духовным отцом

Мирослав Бакулин



Мирослав Бакулин

Легко ли быть духовным отцом

«Никея»
2020

УДК 821.161.1
ББК 84+86.372

Бакулин М. Ю.

Легко ли быть духовным отцом / М. Ю. Бакулин — «Никея», 2020

ISBN 978-5-907307-21-6

В новом сборнике Мирослава Бакулина – современный патерик про утешительного сибирского батюшку отца Фому и рассказы, пронзительные, яркие, то смешные, то жуткие. Их герои – священники и прихожане, верующие и атеисты, бандиты и ангелы, алкоголики и трезвенные фарисеи… Фирменный стиль автора превращает обыденность в фантасмагорию – но вера, любовь и доброта остаются в любой реальности.

УДК 821.161.1
ББК 84+86.372

ISBN 978-5-907307-21-6

© Бакулин М. Ю., 2020
© Никея, 2020

Содержание

Отец Фома 6
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Мирослав Бакулин
Легко ли быть духовным отцом

© ООО ТД «Никея», 2020
© Бакулин М.Ю., 2020

Отец Фома

Отец Фома родился в середине пятидесятых на Урале в семье рабочего. Окончил среднюю школу, потом зооветтехникум. Каким-то чудом поступил в Московскую консерваторию, но после второго курса ушел в Ветеринарную академию им. Скрябина, по окончании которой был зачислен на должность научного сотрудника во Всесоюзный научно-исследовательский институт ветеринарной энтомологии. Потом защитил кандидатскую диссертацию, стал старшим научным сотрудником.

В августе 1992 года он принял постриг с именем Фома. В этом же году рукоположен в сан диакона, в следующем, на Рождество, – в сан иеромонаха. В 1995 году возведен в сан игумена. О нем я впервые услышал от диакона Николая: «Мал золотник, да дорог». Сказал он это, как будто забивал гвоздь в гроб невидимого противника, который, видимо, имел в виду «мал клоп, да вонюч». Почему, я понял, только оказавшись в Крестовоздвиженском храме на вечернем богослужении. Это было как раз время, когда я остался без своего первого «молчаливого» духовника и, окормляясь книгами митрополита Сурожского Антония, молился и искал себе духовного наставника. То, что я увидел в храме, вызвало во мне самые сильные чувства. После милой и ухоженной, домашней Всесвятской церкви меня встретила «мерзость запустения». Основной неф был весь разбит: его когда-то разделили на два этажа и сделали здесь танцульку студклуба строительного института. Кругом валялись бутылки, мусор, в алтарной части стоял сломанный грузовик на спущенных шинах. Служба проходила в соседнем малом Никольском приделе. Впотьмах стояли мужики и женщины со свечами в руках. Было жутко холодно, потому что отопление не работало, не было электричества. И вот на солее появляется невысокого росточка священник, у которого под фелонью и ризой явно было не менее пары свитеров, с редким голосом – контртенором, соединяющим самый низкий женский и самый высокий мужской тембры. Голосом, звучащим остро, как самые позывы совести, возглашает: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа». И вся церковь ответствовала не менее огненно: «И ныне и присно, и во веки веков!» Я был потрясен. Где я? Не в катакомбах ли первых христиан?

Родился он в деревне под Тобольском. Прихожане говорили, что родителям не нравилось его хождение в церковь. К церкви его приучили старики. Часто он на покосе много слушал от старших людей про Бога. Много рассказывал и родной дед, с которым они лопатами копали карасей в речном иле, когда старицы пересыхали по осени.

Мама ругалась на его церковность, и он нашел замечательный способ все-таки ходить в храм. Покупал билет в кино и уверял, что идет на киносеанс. А сам шел в церковь, пономарил, пел на клиросе, звонил в колокола. И при этом у него был брат-близнец, который пошел по другому пути и поэтому рано спился. Сам отец Фома, как микробиолог, считал, что выпивать можно только понемножку для отдохновения, но именно не вина, а водки, и потом поспать для отдыха. Даже одному профессору, бросившему алкоголь, говорил, что совсем не пить – это

гордыня. Но при этом рассказывал, как они студентами раз поставили вино из ягод и однажды на вечеринке пили много этого вина, а затем на свету увидели, что там, кроме ягод, на дне много тараканов. Это отбило охоту на вино. А потом и вовсе перестал употреблять спиртное после того, как одна бесноватая обличила его на весь скит: «Иеромонах, а водку пьет!»

Понятно было, почему отец Фома стал монахом, а не женился. Однажды его с иподьяконом зазвали на квартирный разговор преподаватели местного медицинского колледжа. Преподаватели начинали потихоньку приходить к вере и хотели поближе и запросто пообщаться с церковными. И вот кто-то из пожилых дам задал вопрос о несостоявшейся женитьбе отцу Фоме. Он запросто улыбнулся: «Так я же – маленького роста!»

* * *

Отец Фома умел говорить так:

– Отчаиваться не бесполезно. В своих душевных переживаниях дай себе возможность попечалиться, поунывать, поплакать, пожалеть себя: «Вот как мне себя жалко, как мне тяжело, как плохо». В этот момент ты сам себя испытываешь: кто это там во мне меня жалеет? Известно кто – тот, кто называет себя твоим лучшим другом. А ты ему, этому другу, неожиданно: «Пойди прочь!»

А потом раз и к Господу: «Научи меня, Господи, о Тебе так печалиться и плакать, как я сейчас себя жалею, чтобы моя душа по Тебе бы так сокрушалась, Тебя жаждала, чтобы мне так же к Тебе хотелось, с той же самой душевной силой! Мне бы так хотелось быть с Тобой, чтобы Ты был в моем сердце, которое пытается меня оплакать».

Да, отчаиваться не бесполезно. Нужно умно использовать эту силу, понимать, насколько печаль и грусть может вернуть силу молитве.

* * *

Когда отец Фома был маленьким, он работал на стройке прорабом. И что характерно, ни одной доски не украл. Но разговаривать по-строительному привык, а так как был горяч сердцем, то, сокрушаясь духом, сокрушал и русский язык. Когда же он стал монахом, привычку сокрушаться духом сразу оставить не мог. Поэтому злобно шипел: «Спаси Господи!» Духовник попенял ему на это:

– Отец Фома, вот мужик пьяный просыпается, а жена его корит-ругает. Она все правильно говорит, грехи его публично на всю квартиру называет. Он ее послушал, послушал да и говорит: «Ты все правильно сказала, но без любви, а значит, это неправда».

Отец Фома поразмышлял. Понял, что сразу угомониться не получится, и придумал для себя два «позволительных» ругательства – четырехэтажное и трехэтажное. Когда трудники в скиту опять чудили, он ругался на них так: «Да что ж это за гор-плод-овощ-торг!» или «Ну ты даешь, упр-снаб-сбыт!». Скоро и это прошло. Он просто ходил по скиту с топором, и если кто шалил, то смотрел на него ласково и говорил, показывая топор: «Я вас весьма убью». Потом и это прошло. Только пальчиком грозил. Потом совсем угомонился.

* * *

Так как отец Фома был человеком ученым, к нему зачастила городская интеллигенция. Встречая одного из профессоров, отец Фома участливо спросил:

– Надеюсь, у вас все хорошо?

Профессор посмотрел на него болезненно, даже как-то презрительно, и сказал:

– Все хорошо только у идиотов.

Отец Фома повеселел:

– Я, видимо, конченый идиот, у меня все хорошо.

Помедлил, а потом снова спросил:

– Вот вы доктор наук, профессор, столько лет преподаете, столько книжек написали. Почему вы такой умный и при этом такой несчастный? Зачем быть умным и несчастным?

Профессор пристально посмотрел на отца Фому, и вдруг ему сделалось ужасно жалко себя:

– Да, я несчастен, а что мне делать?

– Отбросьте свой ум, скажите ему: «Уйди, ты заслоняешь мне Солнце. Ты надоел мне со своими умствованиями, со своими комплексами, самокопанием, ты достал меня, я хочу быть счастливым». И как только этот внутренний «друг» будет доставать вас, скажите ему твердо: «Отстань».

Профессор не поверил.

* * *

Отец Фома очень уставал от приходских старушек, которые постоянно жевали воск, ладан, березовые листочки на Троицу, еловые ветки на Рождество. И они бесконечно о чем-то говорили. И до службы, и во время службы, и после службы. А ругаться и «гонять паству» отец Фома не очень любил. Как-то однажды, идя из своего домика в храм, он услышал, как три старушки громко обсуждали, как в микроволновке печь паспорта, на какой температуре и какое время, «чтобы из космоса не следили». Отец Фома не стал входить в храм, вернулся к своему домику, обошел его три раза и только после этого вернулся в храм, пройдя мимо старушек, заинтригованных таким его поведением. Когда кто-то после службы его спросил, почему он так поступил, он отвечал: «Мое сердце было отвлечено разговорами старушек: я прогулялся, чтобы очиститься и уже в безмолвии сердца войти в храм. Духовник в юности советовал мне в таком случае строго посмотреть на болтушек, хлопнуть себя рукой по ноге и строго сказать: „У-у, бабы!“ Но у меня не получается».

* * *

Отец Фома просил прихожан:

– Не спрашивайте у меня совета по радикальным вопросам, которые вы можете решить с Богом только сами. Я могу все испортить. Вот, например, у нас был сторож. Однажды постом он купил себе салат из морской капусты, а в нем были креветки. Он не знал, что у него на креветки сильнейшая аллергия. А я, как назло, зашел к нему в шахматы поиграть. И у него на моих глазах начался отек Квинке. Это такая неприятная аллергическая реакция, от которой тело покрывается волдырями, словно вас покусали пчелы, но главное, опухает лицо и гортань, отчего можно задохнуться и умереть. Протекает все это очень быстро. Слава Богу, я немного знаю медицину, поэтому сбегал до аптечки и поставил ему антигистаминные препараты. Он уснул. Но я все равно боялся, что он задохнется. Тогда, если отек в глотке не даст ему дышать, я решился делать трахеотомию, точнее сказать, коникотомию, то есть я проделаю дыру у него в горле, чтобы он через нее дышал. Обычно используют нож и носик от фарфорового чайника, но я в тот момент нашел в сторожке только острый карандаш и плотную пластиковую обмотку от толстого провода, чтобы использовать ее вместо трубки. Сижу и всматриваюсь в опухшего, как Вий, сторожа. Смотрю, не задыхается ли он во сне. Через час приехала скорая. Спросили, какие препараты кололи. Поставили еще два укола, поблагодарили. А потом доктор спросил:

– А зачем вы с карандашом и трубочкой возле него сидели?

– Если бы стал задыхаться, я бы ему коникотомию сделал.

– Карандашом?

– Так все равно умирать… А так бы поборолись…

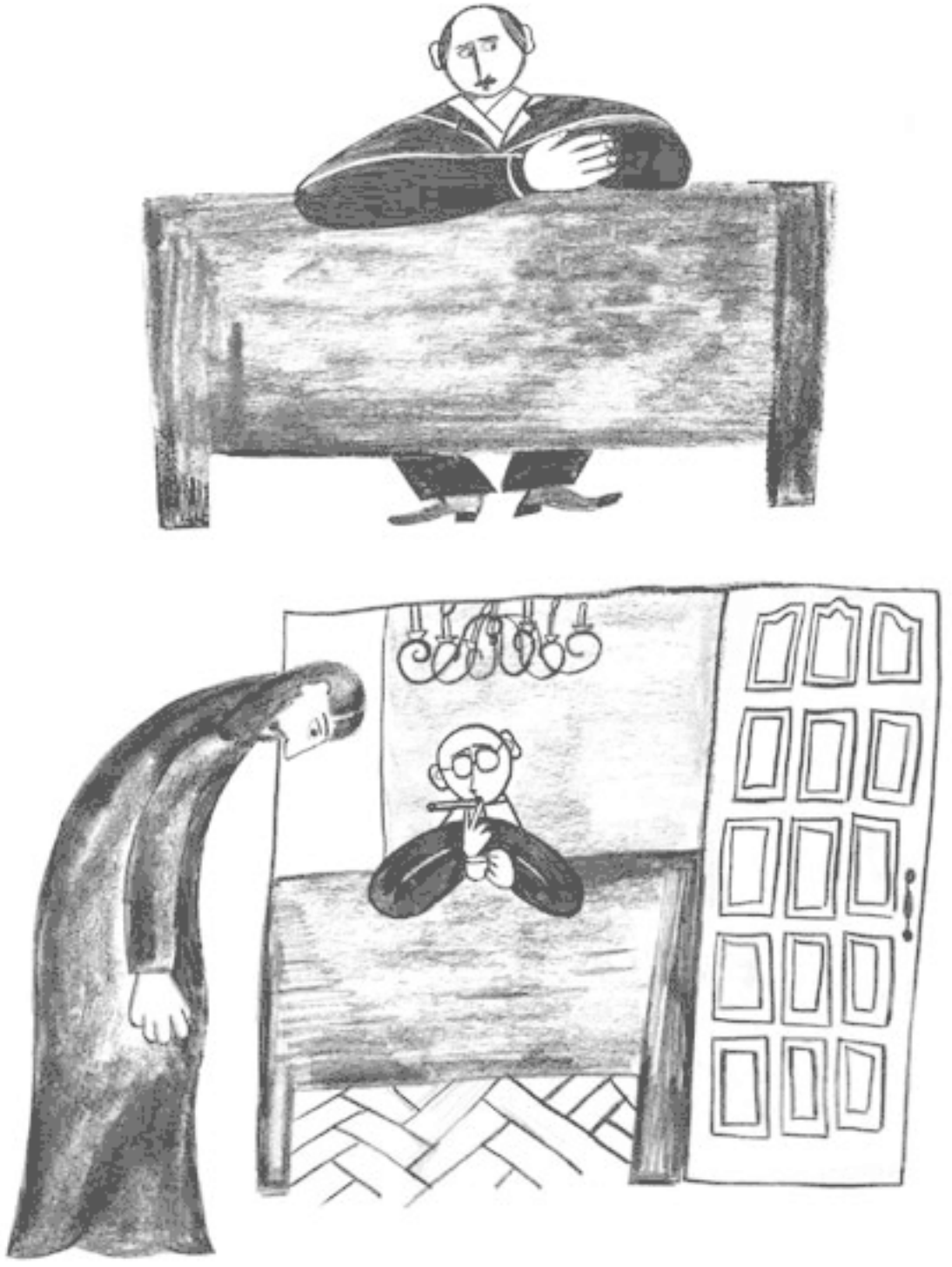
– Вы сумасшедший! Все могло бы случиться: от эмболии до пневмоторакса. Он бы просто умер!

Извинился я перед доктором. Поэтому не заставляйте меня решать ваши проблемы. Из-за своего характера я могу воткнуть в вас карандаш.

* * *

Многие прихожане роптали на отца Фому за его веселый нрав. Он же имел говорить им:

– Вы меня не за того принимаете. Как-то владыка отправил меня к одному начальнику, а я так испугался мраморного и золотого великолепия, что битый час разъяснял свой вопрос солидному господину за большим столом. А потом он разулыбался и объяснил, что он только секретарь, и подвел меня к двери самого начальника. А там, за дверью, был еще больший кабинет, сверкавший великолепием, за громадным столом сидел настоящий начальник – маленький солидный человек, который пил кофе из позолоченной маленькой чашечки и курил сигарету. От неожиданности я выпалил по монастырской привычке молитву на вход в любое помещение: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, грешнаго!» Начальник от неожиданности выронил сигарету изо рта, и она упала прямо в кофе. Он с тоской посмотрел на сигарету, потом на меня и тоскливо спросил: «Вам чего?» Я протянул бумагу: «Да вот, подписать». И он быстро подписал, только чтобы я поскорее убрался. Как я начальника с секретарем перепутал, так же и вы меня со Христом путаете. Ведь и апостол говорит: «Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа» (2 Кор. 4: 5).



* * *

Сегодня отец Фома сказал за литургией:

– Дорогие мои, мы сегодня празднуем Вход Господень в Иерусалим. Это – праздник недоумения. Те люди, которые сегодня кричат Христу «Осанна!», через несколько дней станут кричать: «Распни!»

Недавно я был в гостях на домашнем концерте. К моим знакомым приехала известная пианистка, и она играла чудесную музыку, которая рождала у слушателей ощущение, что внезапно расцвел сад, от которого идет весеннее благоухание цветов.

В углу комнаты сидел подросток – сын хозяйки. Он слушал музыку в плеере через наушники и был поглощен звуками, которые слышал только он.

Мать растерянно спросила его:

– Разве ты не понимаешь, чего ты себя лишаешь? У нас звучит прекрасная музыка, а ты даже этого не замечаешь.

Мальчик несколько секунд послушал звучащее фортепиано и сказал:

– Это никуда не годная лажа.

И снова надел наушники. Мать попыталась еще раз его образумить:

– То, что ты сейчас слушаешь в своем плеере, будет забыто через несколько дней. А то, что звучит в нашем доме, будет жить в веках. Люди наслаждаются этой музыкой не одно столетие.

– Я рад за этих людей, – ответил мальчик, – но мне это абсолютно неинтересно.

Вот примерно об этом сегодняшний праздник. И пожалуйста, не пораньте вашими вербами соседей. Аминь.

* * *

Отец Фома имел обыкновение сокрушаться после исповеди:

– Сегодня день воспоминаний. Пришла одна дама лет шестидесяти пяти. И говорит: «У меня, батюшка, только один грех. Я в четырнадцать лет обманула своего брата». – «А что вы делали остальную жизнь?» – «Вела себя прилично».

Потом пришла другая дама и очень плакала о каком-то страшном согрешении. Я стоял рядом, ждал. Наконец она успокоилась. Выяснилось, что в молодости она не причастилась на следующий день после крещения. И снова в слезы. Я ей посоветовал сделать сто земных поклонов, чтобы этот «грех» был прощен. Сегодня пришла на службу на полусогнутых. Зато спокойная, примирилась с собою.

А днем я исповедовал весьма угрюмого старичка на дому. Лежит старичок на смертном одре весьма подавленный и печальный. Когда я спросил его, в чем причина его горя, он ответил, что когда-то в детстве играл с друзьями на перекрестке дорог на краю деревни. Там стоял указательный столб, плохо закрепленный на своем фундаменте. Ради шутки они повернули его указатели в другое направление. И старик сказал: «Я не могу отделаться от мысли, сколько людей пошло по ложному пути из-за того, что мы тогда сделали».

Мы помолчали. Мне показались глуповатыми и его примеры, и его радикальная на них реакция. Отец Фома посмотрел на меня и с возмущением сказал:

– Чего ты улыбаешься? Старичок-то ведь глубинно прав. Что может быть страшнее, чем грешить самому? А? Учить грешить других! Всегда кто-то толкает человека к его первому соблазну, дает ему первый толчок к греху. Ведь страшное дело – ввести молодого или слабого собрата на ложный путь.

* * *

Отец Фома, когда ему жаловались на неправильность жизни, умел сказать:

– Привыкайте к тому, что все будет медленно и неправильно. Закон неубывания энтропии во Вселенной, который приведет всех нас к Страшному суду, основывается на нескольких простых мыслях. Если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет. Ничто и никогда не является абсолютно верным, поэтому нико-

гда не объясняйте злым умыслом то, что вполне можно объяснить глупостью. Где бы вы ни работали, вы сможете подняться только до уровня своей некомпетентности, потому что работа заполнит все время, отпущенное на нее. При этом 20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата. Так что очень дальновидно полагаться во всем на Бога.

* * *

Как-то наблюдал прелюбопытную сцену: по скитскому двору быстрым шагом уходил какой-то человек, отворачиваясь от слов, которыми его осыпал следующий назойливо по пятам, разозленный донельзя отец Фома:

– Нет, ты расскажи мне! Расскажи о тополях, сотворенных из людей, из глаз которых вытекает мифический янтарь, служащий для тебя богатым источником глупости. Перечисли лавры и пальмы, соловьев и ласточек, поющих перед смертью лебедей и зимородков, а также твоих человеколюбивых дельфинов. Воспой своих андрогинов, чтобы они разрешили спор богов о распутстве. Расскажи мне о путешествующих по морю быках, влекомых любовью к несчастной девушке. И не смей впредь смешивать аромат веры с нечистотами своих заблуждений. Я прощаюсь с твоей пространной болтовней, будь покрыт мраком нечестия!

Он остановился. Человек, кутаясь в плащ от слов отца Фомы, как от сильного дождя, не оборачиваясь, вышел за скитские стены. Отец Фома все еще полыхал негодованием.

– Батюшка, это что было-то?

– Да вот недоумевает человек, как это бесплодная родила. А в мифы верит с удовольствием, да еще и научную подоплеку ищет…

* * *

Некий человек пришел к отцу Фоме и говорил так:

– Один батюшка позвонил мне и просил помочь мирянину. Мирянином этим оказался рецидивист, который просил денег на сложную операцию для своей маленькой дочери. Я дал ему приличную для дела сумму. Встретил я его только через несколько лет. Операцию сделали, дочь выжила. Но ее отец все эти годы сидел в тюрьме, потому что на малые остатки денег загулял, поругался с ментами, те подбросили ему наркотики и снова посадили в тюрьму. Жена, когда его посадили, развелась с ним, уехала с дочерью в другой город, где стала проституткой. Рецидивист, когда вышел из тюрьмы и узнал про это, стал с ней ругаться, ее крыша из ментов выследила его и избила до переломов рук и ног. Теперь он, инвалид, звонит мне, чтобы я и дальше ему помогал. Представляете, отец Фома, как люди живут? Как в мексиканском сериале. Что бы вы посоветовали мне делать?

Отец Фома встал, помотал головой, словно бы стряхивал с себя остатки страшного сна, и ушел, сказав непонятное:

– Делать что-либо напоказ свойственно дьяволу.

* * *

Отец Фома рассказывал:

– Добродетель заразна. Однажды, когда я был маленьким, мама и папа пошли в кино. Была поздняя осень, и каша из снега уже подмерзала. У ворот нашего двухэтажного деревянного дома стоял подвыпивший человек. Когда родители прошли мимо него, он упал. Мама вернулась, прислонила его к воротам, чтобы он хотя бы почки себе не отморозил. Отец стал

возмущаться: «Мы же опоздаем. Неужели ты так всех пьяниц поднимать станешь?» Только он это сказал, как мужик снова упал. Мама снова стала его поднимать. Посадила на скамейку. Ушли. А через некоторое время этот мужик подходит к маме на улице и говорит: «Что ты со мной сделала? Раньше мне было все равно, а теперь я как больной. Иду мимо столовки, а там в холодной грязи баба стоит на четвереньках. Раньше бы я прошел, а тут смотрю – никак ей не встать. Отморозит и руки и ноги. Подошел, поднял, увел в теплую столовую, измазался грязью, конечно. Заразила ты меня этим, понимаешь, заразила».

* * *

Отец Фома научил меня носить с собой конфеты.

На экзамене у меня студенты рассаживались следующим образом. Один ряд – кто хочет получить тройку, второй – кто хочет получить четверку, третий – это инопланетные существа из далекой галактики, которые уверены, что получат пять. Соответственно, если человек сел на тройку, а учился на четверку, ставлю пять и даю леденец. Если кто учился на три, а сел на четыре, получает три. Ну и так далее. В результате 99 % получали пять и только два-три человека четыре, троек почти не было. Это меня отец Артемий Владимиров научил – плохих оценок не ставить: «И к тебе, и, соответственно, к твоему предмету тогда относиться будут хорошо. Тем более ты про Бога постоянно говоришь».

Поднимаюсь как-то в лифте на экзамен по философии: бородач с коробкой шоколадных конфет и леденцов, напротив меня две студентки. Посмотрели, переглянулись и засмеялись: «Заочник!»

Так мне эта конфетная тема понравилась, что я стал раздавать конфеты просто на улице. Всегда давал нищим. И на языке сладко, и жизнь хороша. Даю, да про себя приговариваю: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Теперь пара дьяконов и один священник вспоминают, что студентами так со мною и познакомились. Некоторые, конечно, конфеты выбрасывали, но это были чрезмерно брезгливые.

Поэтому отец Фома говорил:

– От просящего не отвращайся, дай хотя бы копейку.

– Так ведь копейку-то выбросит.

– Пусть выбросит, это его дело. Дай тогда конфетку, про конфетку еще подумает, выбрасывать ли.

Нищие никогда не выбрасывали.

Один архиерей давай меня расспрашивать, зачем это я с конфетами все время хожу. Я рассказал. Так он это дело на поток поставил. Прихожу к нему в резиденцию, а там грузовик с маленькими шоколадками разгружают. В школу, значит, поедет.

* * *

Вчера в дождливом лесу собирали белые грибы. Набрали немного, всего ведро. Вспомнил, как меня отец Фома брал с собой по грибы. Показал на большую сосну и грибы под ней:

– Вот смотри, сосна – это святой человек, а у его подножья растут грибочки, связанные симбиотической связью с его корнями. Они – окружающие святого люди. Без святого, без праведника не стоит ни одно село, ни один самолет не летит. Информация по грибнице распространяется мгновенно, потому что она устроена почти так же, как нейроны в головном мозгу. Но грибочки вырастают разные: один хороший, а другой – поганый. Но все при этом связаны. Вот ты и подумай.

* * *

– Отец Фома, я унываю.

– В какой форме?

– Пустота и тоска.

– Это прекрасно, это подобно поэзии, когда вы подыскиваете слова перед чистым листом бумаги. Только перед лицом душевной пустоты вы подыскиваете возможности жизненных состояний. Это поэтическое состояние еще и потому, что вы разделяете тоску Господа нашего Иисуса Христа в Гефсиманском саду. Он ведь что там делал? Молился, плакал и тосковал. Не познаете отчаяния – не узнаете своей слабости, не узнаете своей слабости – не узнаете величия Господа. А познав величие Господа, обретете надежду в молитве. Тоскуйте себе на пользу. В отличие от других, вы не спите в Гефсиманском саду.

* * *

– Батюшка, отец Фома, у нас дедушка совсем старенький, болеет раком, под себя ходит. Благословите поместить его в хоспис. Очень хороший хоспис.

– Некоторый наш тюменский батюшка ухаживал за одним раковым больным: носил ему еду, молился, причащал. Этот человек в один прекрасный момент посмотрел на него и сказал: «Вы для меня Христос».

* * *

Если кто-то из исповедников начинал бороться за место к исповеди, отец Фома любил посмотреть страшным лицом и прошипеть ужасным шепотом:

– Сейчас всех вас домой каяться отправлю! Всех отправлю…

Обычно наступала страшная тишина. После этого никто себя плохо вести уже не решался. Все уступали друг другу место.

* * *

Один мужик жалуется отцу Фоме:

– По Тюмени уже невозможно ездить: чурбаны, которые правил движения не признают, да девки эти в дорогущих иномарках…

Отец Фома:

– Ну что вы, лебедь мой. Девушки в дорогих машинах – это самые прекрасные девушки вашего города. Посудите сами. Если машина дорогая, значит, отец ее – вполне состоятельный мужчина. А если мы видим успешного мужчину, должны понимать, что за ним стоит прекрасная жена, которая всячески помогает ему и поддерживает. 90 % успеха мужчины – это помощь жены. Посмотрите, и в русских сказках главной наградой для героя была хорошая жена. А яблочко от яблоньки недалеко падает. Значит, у этих девушек в дорогих машинах – прекрасные матери. И они станут такими же. Поэтому чем дороже машина, тем лучше девушка в ней. Вы на них не злитесь, а любуйтесь ими.

Наивный он, отец Фома. К тому же сам не водит.

* * *

Зашел на скитский двор как-то один старичок. Совершенно обыкновенный. Походил по храму, к иконкам прикладывался, спросил о мощах святителя, почивающих здесь. Ему что-то вякнули невпопад, отмахнулись, мол, книги читать надо. Так старичок бы и ушел, но его увидел отец Фома и сразу бросился к нему, давай с ним о чем-то шептаться. Повел в трапезную, накормил. Потом они долго ходили вокруг храма, разговаривали. Все недоумевали, что за старичок? Потом отец Фома отправил старичка на своей машине на автовокзал, тот, должно быть, уезжал куда-то.

Все стали приставать к отцу Фоме:

– А кто это был такой?

– Неужели вы не замечаете скуки, что ли? Ну да, скуки, охватывающей людей при появлении святого. Стоит ему появиться, и вы все уже знаете, что он будет делать. Ну там, если представится возможность, приумножать хлебы, воскрешать мертвых, изгонять бесов… Едва ситуация задана, всем тоскливо – становится ясно, что произойдет дальше. Поэтому люди придумали целые методы изгнания чудесного из своей жизни. Для вас святой человек заранее скучен. Да, он скучен, обыден, прост и потому незаметен для вашего глаза. Но стоит лишь прильнуть к этой светоносной бездне… И…

Он безразлично махнул рукой на прихожан и ушел.

* * *

Отца Савватия не мучили бесы, его не мучил голод, безделье или душевная тоска. Его мучил сон, который, как дежавю, снился регулярно и заставлял разрядом электрического тока пробуждаться в холодном поту с быстро бьющимся сердцем и невозможностью до конца вдохнуть воздух.

Будучи болезненным с детства, он привык к больнице и ее запахам, к тому, что ноги его не очень слушались и он бесконечно спотыкался и падал. Лечащий врач называл его вестибулярный аппарат «поврежденным космосом», потому что будущий отец Савватий ходил, как космонавт после долгого пребывания на орбите Земли. Поэтому женитьба не маячила ему, но любовь к книгам и молитвенное воспитание матери привели его к монашеству.

Святые отцы снам верить не советовали. Духовником скита был отец Фома, который казался строгим и прямым, как березовый дрын. Отец Савватий побаивался его и поэтому на исповеди не говорил про мучающий сон. Но когда сон стал уже частью его монашеской биографии и когда последствия сна стали являться и в дневной жизни, молодой монах пошел рассказать все духовнику.

И снилось не то чтобы что-то очень сложное. Будто он ходит по коридорам больницы, спотыкается, падает, все роняет. Неуклюжий, как слон в посудной лавке. И вот подходит к окну с какой-то медсестрой, которая пытается удержать его от очередного падения. Хватается за доску напротив окна без рамы (в больнице идет ремонт), а доска никак не закреплена. И, не удержавшись, он выпадает из окна и летит вниз. Все это он переживал с совершенно подробными ощущениями: как летит вниз, как чувствует во сне ужасную боль удара об асфальт. Вместе с ним падала из окна медсестра и разбивалась насмерть. Он же начинал отползать от места падения, чувствуя, что сломал ногу. Ощущения были настолько ясные и сильные, что после очередного сна он волочил целый день левую ногу, как будто она действительно была недавно сломана.

Во сне он отползал и хромал куда-то к входу в больницу и вдруг вспоминал про выпавшую из окна медсестру. Но когда он возвращался, видел жуткую картину – как большие чер-

ные собаки раздирали труп медсестры в клочья и пожирали куски ее тела тут же. Он столбенел от ужаса и начинал судорожно молиться. Однажды, когда этот сон вновь нагнал его ночью, он дерзнул спросить Бога:

– Господи, что есть зло?

И ему был ответ:

– Зло не есть нечто, зло есть ничто.

И его обступила тьма. Непролазная, кромешная, но никак ему не способная навредить. Просто тьма. Клубящаяся, как дым от горящей покрышки. И внутри этой тьмы словно бы шел снег из маленьких золотинок. Они летели сверху вниз и сияли, как блестки в темном водяном растворе. Он пригляделся к этим блесткам, это были крошечные золотые буквы «я», каждая из которых только отражала свет, который светил откуда-то изнутри отца Савватия, как только он приближался к ним.

Эти буквы смущали его до предела, и он просыпался, задыхаясь, сердце билось, словно бы его самого рвали черные собаки.

Отец Фома поулыбался его исповеди:

– Хочешь фрейдистского толкования твоего сна или чего-то другого?

Они помолчали. Духовник продолжал:

– Ну все же понятно. Больница – это твое тело, падение из окна – это твое переживание греха, растерзанная медсестра – это что было бы с тобой, если бы ты не верил Богу. Зло – действительно тьма, которая обступает нас на широком пути, ведущем к погибели. Золотые буковки – это предупреждение о том, чтобы жизнь твоя была светом перед людьми, тем светом, который обступает тьма, но не способна объять его. То есть ты должен быть как Луна, что отражает свет Солнца – Самого Бога. Твое «я» должно быть зеркалом для Бога.

Опять помолчали. Отец Фома добавил уже весьма серьезно:

– А вообще, брат, ты весьма задумайся, чего это ты из окна валишься. Все грехи – это грехи перед Богом и против Него. Испытай себя: как молишься, посмотри, как к братии относишься, есть ли мир в душе. Да попробуй быть счастливым хоть с неделю. Вот тебе епитимья: живи неделю и будь счастливым.

На следующий вечер отец Савватий залез на крышу монастырского сарая. С вечерним правилом он встречал первые звезды. Небо не было душно-темным, как во сне. Оно все сияло изнутри каким-то светом.

«Все началось со звезд, – подумал отец Савватий, – и свет ширится, и уже никогда не уйдет во тьму». И вдруг он ощутил всем своим существом, что счастье человека включает в себя все беды, неудачи, все победы и радости… Оно включает в себя всю жизнь человека, которую нужно принять как дар от Бога, Который может и не отвечать на малую просьбу, потому что может дать только все.

* * *

Приходит к отцу Фоме старушка на исповедь. Во всем, говорит, виновата, во всех грехах. Он ее спрашивает с равнодушной миной:

– Самолеты угоняла? Лошадей воровала?

– Нет, батюшка, что вы…

– Тогда рассказывай, чем против Бога на самом деле согрешила.

Следующая подходит:

– А я, батюшка, даже не знаю, в чем и каяться. Жила с мужем хорошо. Детей вырастила. Не воровала, никого не убила…

Отец Фома отступает от нее на несколько шагов. Указывает очереди на нее рукою и на весь храм громко возглашает:

– Смотрите на нее все, она – святая! Святая!
Бабушка бежит из храма прочь.

* * *

Иеромонахи берут на себя много забот о мирских проблемах, очень устают, возясь с мирянами, потом приходят на службу, а сил-то молиться сосредоточенно и нету. И тогда начинают заниматься пономарями, учат их послушанию.

Старший пономарь учит младшего:

– Пойдет батюшка кадить, а ты возьми в руку ладану, да и открой перед ним дверцу-то.

– А зачем?

– А иначе гневаться станет: почему дверь не открыл, потом кадило тебе протянет, а у тебя, к примеру, ладану нету. Поставит тебя на поклончики, всю службу и будешь кланяться. А

так ты дверцу открыл, батюшка молчит, сует тебе кадило, а ты расторопно ему туда несколько зернышек ладану, он опять молчит.

– Да он все равно придерется…

– Это почему?

– А вот третьего дня отец Фома все меня пытал, бью я свиней на скотном дворе или нет?

– А ты бьешь?

– Нет! Как можно? Возьмешь только палку и толкнешь тихонько, они же, свиньи, толстые, ничего не чуют. А скотник на меня все жалуется. Вот батюшка и пристал ко мне: «Сознайся, – говорит, – бьешь ты бедных свинок?» Я говорю: «Не бью». А он опять: «Ну ты сознайся!» – «Да с чего вы, батюшка, взяли-то?» – «Вид у них очень грустный». – «Кто ж его знает, чего они грустят?» Потом на исповеди говорит опять: «Бил свиней-то?» Я говорю: «Каюсь, бил». Он говорит: «Вот теперь вижу, что не бил».

* * *

К отцу Фоме приехал непонятный кадр, то ли бомж, то ли интеллигент. Батюшка спрашивает:

– Ты кто? Ты каких?

– Я, батюшка, лилия полевая. Не ищу, что есть, что пить и во что одеваться.

– Может, ты и Царство Небесное нашел и правду его?

– К вам вот приехал найти.

– А ты знаешь, что это такое – «лилия полевая»? Это анемоны, которые покрывали холм после дождя, вырастая за один день, словно красный ковер. К вечеру они высыхали и их собирали иудеи, чтобы топить ими печку.

– Не станете же вы топить мною печку?

– Это почему? Сегодня четверг, как раз банный день. Иди, топи печку, коли ты – лилия.

– А может, я скорее – птица небесная?

– Тогда пойдешь клювом наш огород пропалывать. Жать или сеять не заставим, а вот ужин и ночлег прополкой отработаешь.

– И какое же в этом деле Царство Небесное?

– А ты у сорняков учись, как растет грех на душе человека.

* * *

Отец Фома, имевший за плечами два курса консерватории, очень любил всякую музыку и слушал с каким-то особым вниманием пение птиц в соседней роще.

Стоит, опершись об ограду скита, улыбается, как кот на солнышке. Спрашиваю его:

– Нравится, батюшка, как птицы поют?

– А в природе тишины вообще нет. Она производит много всяких шумов, но они в гармонии. Эту-то гармонию мы и называем тишиной. А птичек я люблю за их примитивные литургии.

– Почему примитивные?

– Помнишь, в «Кольце нибелунгов» Зигфрид едет через лес, слышит пение птички и вторит ей серебряным рогом. Потом, если мне не изменяет память, он, употребив кровь убитого дракона, начинает понимать язык птиц. Всем кажется, что это очень круто. Но на самом деле – примитив. У птиц, в отличие от людей, движение и ритм никак не связаны. Да и модуляции простоватые. Вот возьмем, например, ворон, которые, как известно, «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец наш Небесный питает их». Вот если ворона видела, как трое человек вошли в дом и лишь двое из них вышли, она знает, что еще один остался внутри. То есть она

может объединить три объекта и не более, с четырьмя у нее этого уже не получится. Поэтому в пении птиц встречаются преимущественно дуоли и триоли. А это весьма примитивно. Почему Пушкин пишет в Онегине: «Однообразный и безумный, как вихорь жизни молодой, кружится вальса вихорь шумный». Вот ты мне скажи, почему вальс «однообразный и безумный»?

– Не знаю.

– Потому что он был двухтактным, как пение птиц: раз-два, раз-два. В то время вальс танцевали в два, а не в три па, как сейчас. Он состоял из двух шагов, и смысл этих движений заключался в том, чтобы ступать на правой и на левой ноге, притом как можно скорее. Самыми популярными композиторами были Ф. Лангер, И. Ласковский, Н. Норов, совершенно забытые сейчас. Русские правители Екатерина II, Павел I, Александр II, Николай I запрещали вальс. Но на частных вечеринках он пользовался популярностью. Баратынский писал:

При гуле струн, смычками оживленных,
Как бешеный в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету;
Касаяся душистых их кудрей
Лицом моим, объемля жадной дланью
Их стройный стан: так, в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней…

– А вы, батюшка, в юности не ходили на танцульки?

– Ходил, но только чтобы посмотреть. Все это такой примитив – «однообразие и безумие», как в мире птиц.

– Ну вот вы же слушаете птичек и наслаждаетесь.

– Это все веселее, чем завывание отца Ферапонта на клиросе.

Батюшка помолчал, потом, почему-то улыбаясь, сказал:

– Я не вполне уверен в том, что ангелы, намереваясь воздать хвалу Господу, играют именно Баха, но я вполне уверен, что друг для друга они играют Моцарта, и Господь радуется, слушая их.

* * *

Приехал к батюшке юноша высокий с бледным прыщеватым лицом.

– Невесту, – говорит, – отец Фома, вымолите мне.

– А чего ее вымаливать? Вон она, среди паломниц… Вон та, что с зелеными волосами. Да, противоположный пол имеет массу недостатков: не смотрит с придыханием в рот и слишком занят личной крутизной. Часто у любимого человека трудный характер – это особенно свойственно творческим личностям. Она, кстати сказать, архитектор. Девушки бывают строптивыми и самовольными эгоистками. Плохо управляют собой, бывают жестокими в обращении с людьми и даже могут выпивать сверх меры… И ради каких достоинств стоит терпеть это? Ради одного и самого главного – с таким человеком скучно не будет!

* * *

Отец Фома имел сказать:

– Лебеди мои, поберегите ваших деток от вашей агрессии. Сколько слов о хвастовстве, о неумении утешать, о плаче с плачущими и о других видах самоутверждения. Но пользы нет,

если вы сами не сияете. А когда вы засияете? Ну, может быть, на пороге могилы. Сейчас сложно сказать, что у кого-то много себялюбия, а у кого-то мало. Его много у всех. Мы вот ездили как-то менять шины на скитском автомобиле, и я сказал сельскому слесарю, что, мол, много денег запросил, поменял в другом месте. Так он, как теперь оказалось, три года на меня обижался, говорил всем, что отец Фома – редкая сволочь, но очень умный.

Себялюбие без борьбы не сдается, а чтобы эту борьбу вести, надо его хотя бы заметить. Ма ло того, надо его еще и осудить. И то и другое – необыкновенно трудно. Первому мешаем мы сами, второму – общее мнение.

Отовсюду деточек наших убеждают «оставаться самими собой» и «быть лидерами», доказывая, что евангельское безумие – безумно. Так было почти всегда, не стройте иллюзий по поводу прошлого. Современные родители почти поголовно ведут себя так, как отец святой Варвары, хотя называют себя христианами. Культура самоутверждения задурила родителям голову, они умиляются, что дети растут «без комплексов». Научите детей порядку и благодарности, причем без криков и ругани. Глядишь, они и не обозлятся. Как говорил Пифагор: «Родители, берегите слезы ваших детей, чтобы они могли проливать их на ваших могилах». Раннее себялюбие сказывается в хвастовстве, как взрослая гордыня – в обидчивости, которую теперь за грех не считают. Если дети станут хвастать, что кто-то их похвалил, остудите спокойным: «Об этом не говорят в приличном обществе».

* * *

Приехал в скит какой-то господин, прямой, как линейка: и очки у него как линейка, и галстук у него как линейка, и прическа, и туфли… Подходит этот человек-линейка к отцу Фоме и говорит:

– Позвольте представиться, я – атеист. Я желал бы дискуссии.

Отец Фома стал звать монахов:

– Братия, идите, посмотрите на живого атеиста, отродясь не видел.

Все стали стекаться. Линейка продолжал:

– Но я бы желал дискуссии…

– А какая может быть дискуссия? – удивился отец Фома. – Как известно, атеисты – это древняя христианская секта. Да это и понятно, они ведь отрицают бытие Того, Кого они прекрасно знают. Если я отрицаю здесь присутствие клоуна, то я, по крайней мере, должен знать, кто такой клоун. А если я говорю: «Здесь нет престидижитатора», но при этом я не знаю, кто это такой, тогда я не уверен, есть он здесь или нет. Поэтому если нам говорят: «Я точно знаю, что Бога нет», то это говорят те, кто очень хорошо знает, Кого именно для них сейчас нет. Бог так любит атеистов, что Его для них и вправду нет.

– Чего? – переспросил Линейка.

– Я говорю, – как для глухого прокричал ему в ухо отец Фома, – что Бог вас так любит, что Его для вас действительно не существует.

Лицо Линейки передернулось.

– А я знал… Я так и знал.

И он засеменил к скитским воротам.

* * *

На лето в село приехал мальчик Андрейка. Очень ему понравился старый скитский храм, лампадки у икон, тихое монашеское пение, службы. Бабушка просила отца Фому крестить городского. Отец Фома строго спросил:

– Сам-то креститься хочешь?

– Хочу.

– А в Кого?

– В Иисуса Христа. Там еще на крестике написано: «Спаси и сохрани».

Крестили Андрейку.

Стоит раз у любимой калитки отец Фома, глядит, а Андрейка к храму какими-то окружными тропами пробирается, совсем не оттуда, где живет.

– Боишься, что ли, кого? Чего кружишь-то дворами?

– Собака там страшная: ругается, рычит, если близко подойти, наверняка укусит.

– Нет, не укусит, ты ее господин.

– Я – господин? – вытаращил глаза Андрейка.

– А как в Писании сказано: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8: 22).

– А это что значит?

– Значит, что все животные зависят от человека и его спасения. Если ты с Богом, то тебя все послушают, даже медведь и лев…

– Да ну… – не поверил Андрейка.

Отец Фома рассказал про преподобных Сергия и Герасима да добавил:

– Все животные понимают человека. Вон, смотри, бежит собака, надо бы с ней поздороваться.

Андрейка опять посмотрел недоверчиво.

Собака пробегает мимо, а отец Фома ей говорит: «Здравствуй, собака!» Она на него внимательно посмотрела, кивнула и побежала дальше (собаки, они же всегда по делам бегают).

Андрейка остановился и посмотрел на батюшку:

– Так что же, и мой кот Васька все понимает?

– Конечно, только виду не подает. А то бы ты его заставил тапочки себе носить.

– Это как?

– Ну вот мама просит тебя помыть посуду, ты что – немедленно бросаешься мыть? Нет. Ты еще долго что делаешь? Правильно, включаешь дурака. Вот так и животные изображают, что будто ничего не понимают.

* * *

Одна дама весьма требовательно обратилась к отцу Фоме за благословением на аборт. Мол, никак: пила во время первого триместра антибиотики, родится урод.

Отец Фома не стал увещевать ее и не рявкнул, как обычно, а подобно доброму дедушке, подперев кулаком щеку, опершись на любимую калитку, рассказал даме историю:

– Одна моя духовная дщерь, гинеколог по профессии, отказывалась делать аборты, потому как это убийство. Ну, конечно, кроме внематочной беременности. Скандалы в отделении стояли ужасные. Но она все терпела. А тут как-то начальство направило к ней молодую женщину со странной просьбой: «Удалить патологически развитый плод». А выяснилось вот что. Женщина эта пару лет назад вышла замуж за очень состоятельного человека, нефтяного магната, которого очень уважала и несколько побаивалась. Когда она узнала, что беременна, муж был в деловой поездке. Не зная, как он отреагирует, она не ходила в женскую консультацию, все ждала удобного случая узнать его решение. Случай все не подворачивался, потому что муж был вечно занят и мотался по дальним командировкам. И вот как-то несколько времени спустя он звонит и сообщает, что у него выдался отпуск и он купил путевки на дальние моря-океаны, мол, готовься, милая. Она решила удалить ребенка – не ехать же с животом в отпуск. Врач моя, конечно, делать операцию отказалась, но с женщиной поговорила, пытаясь убедить ее родить дитя. Та наотрез отказалась. А так как начальство больницы зависело от денег ее мужа, то они нашли-таки доктора, согласившегося сделать такую операцию. Но плод был уже крупный, решили делать кесарево сечение. И произошло чудо – вместо убийства родился живой ребенок, недоношенный, но здоровый. Пришли педиатры, осмотрели его, говорят, что выходить его несложно. Оставили младенца пока в отделении гинекологии – может быть, молодая мамочка одумается. Врач моя сидит в раздумьях о ней, как вдруг в ординаторскую заходит женщина с белокурым мальчиком:

– Доктор, вы помните меня?

– Нет.

– Много лет назад у меня муж упал с крыши на даче, стал инвалидом-колясочником, а я была беременна четвертым. Хотела делать аборт, а вы меня тогда отговорили. Посмотрите на моего Димочку, я его специально привела вам показать, поблагодарить. Он на скрипке играет, все конкурсы выигрывает, стал у нас кормильцем в семье.

Врач моя хватает эту женщину и мальчика за руки и бежит показать их той, молодой, чей ребенок лежал в отделении, с мыслью: «Вот, посмотри, чего ты лишаешься!» А там в коридоре шум, крики. Оказывается, эта молодая женщина очнулась после операции, нашла своего ребеночка, увидела ведро с грязной водой, которое оставила техничка, и утопила его там.

* * *

В качестве идеального брака отец Фома любил вспоминать семью своего дяди Федора Федоровича:

– Федор Федорович любил поутру, после завтрака, постоять с женой в молчании, держа ее за руку. Когда хозяйка квартиры спрашивала об этом недоуменно, Федор Федорович отвечал: «Это мы с Аннушкой так ругаемся».

* * *

– Батюшка, обо мне никто не молится.

– Никогда не знаешь, кто о тебе молится. Моя первая учительница с именем матери Ленина аккуратно переписывала имена учеников нашего класса и относила этот список на проскомидию в храм. Это в советские-то годы! Тренер-татарин молился о нас в церкви, когда я мальчишкой занимался спортом. Мой профессор музыки носил четки не просто так. Вахтерша в академии всегда помнила меня по имени, потому что поминала… Так что никогда не знаешь, кто о тебе молится. Теперь вот и я о тебе молиться стану.

* * *

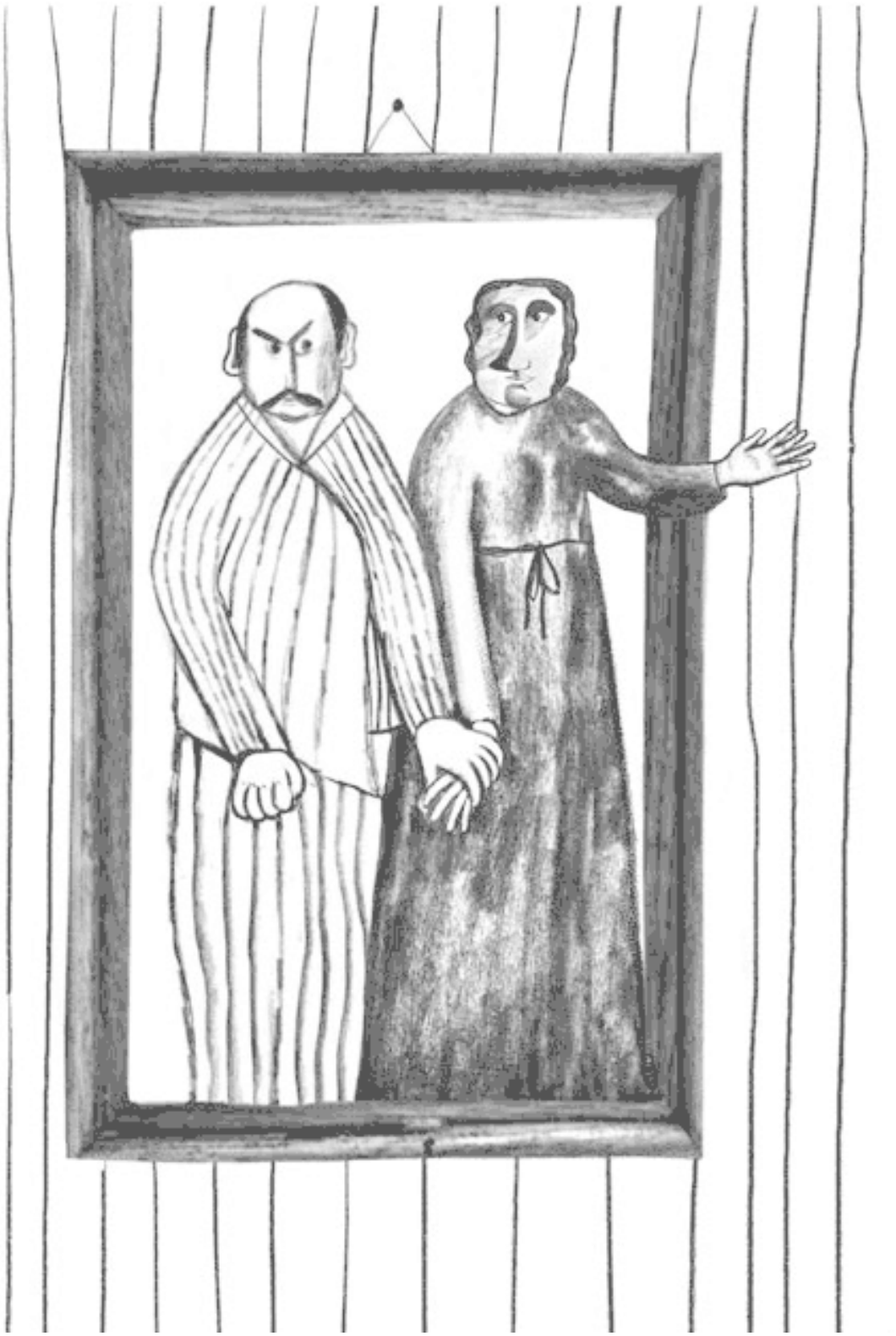
К отцу Фоме в храм пожилая женщина притащила своего сына-юношу. Женщина была в отчаянии:

– Он никого не слушает, убегает из дома, курит, пьет водку. Стал воровать.

– Это хорошо, – спокойно сказал отец Фома.

– Что ж хорошего?

– В тюрьме хорошо. Так мне сказал один пожилой человек, много отсидевший. Там порядок, там все правильно. Там учат тому, чему мама не научила в детстве. Не вымыл руки после параши, с тобой никто в лагере за руку здороваться не будет. Зашел в «хату» и не поздоровался, вообще за человека держать не будут. Ну и так далее.



Вот важное – «чему мама не научила в детстве». И заметьте, лечится это тюрьмой. Мама должна научить всегда носить чистый носовой платок, мыть руки перед едой, не чавкать, когда ешь, и не ширкать, когда пьешь, уступать место дамам и пожилым, быть аккуратным, вежливым, уважительно относиться ко всем, а это все – манеры. Не хотите получать манеры здесь, получите их в тюрьме, молодой человек. Там сидят те, кто на свободе Богу не нужен.

– А без тюрьмы никак? – робко спросил побледневший юноша.

– Выходит, никак.

(Так и случилось: юноша этот участвовал в ограблении. Уже сидя в СИЗО, он просил отца Фому крестить его, чтобы уйти в тюрьму христианином. Чудесным образом его освободили в зале суда из-под стражи, дав условный срок.)

* * *

Явился какой-то городской на исповедь к отцу Фоме. Тот его спрашивает:

– А чего вы, голуба моя, крест нательный не носите?

– Нет привычки. Пробовал. Нитка от креста все время душит.

– А вот я вам расскажу про крестоношение. Есть у меня духовный сын – Савва Петрович. Его история весьма поучительна. Савва Петрович всегда с трепетом относился к своему нательному крестику. И тому были причины. Когда бабушка Лизавета тайно отвела его с сестрой креститься, ему было всего четыре года. Но он запомнил, что крестик был не на ниточке, а на красной ленточке, словно какой-то орден. Он уже немного умел читать, и надпись «Спаси и сохрани» ему понравилась. Это его, Савку, будут спасать и сохранять. Хорошо. Но дома родители крестики отняли и положили их в шкатулку с маминими сережками. Родители были против крещения детей, но они не хотели ссориться с бабушкой.

В девятнадцать лет Савва начал читать Евангелие, заходить в храм, чтобы прикупить книжек, и там нечаянно встретился с воскресшим Христом. После этого он пошел к маме и забрал свой крестик, который стал для него знаком личного выбора между широким путем погибели и узким путем спасения, в пользу последнего. Правда, в это самое время он пытался себя заставить курить и целенаправленно курил по вечерам, но так и не сложилось. В двадцать лет Савва женился на одногруппнице Верке, через год у них родился сын Василий, и хоть был у него врожденный порок сердца, но он был веселый мальчик. К рождению сына друг привез Савве кипарисовый крест из Израиля с надписью «Jerusalem». Для сына он был великоват, поэтому Савва сделал нитку из черного бисера и сам надел деревянный крест как святыню. По воскресеньям стал ходить в храм на литургию, читать молитвенные правила. А жена не хотела ни церкви, ни креста, ни даже разговоров об этом. Савва без ее разрешения крестил сына Васю. И когда тот немного подрос, стал брать его в храм, чтобы привыкал к красоте богослужения.

Вера продолжала презирать все церковное, но однажды, проснувшись поутру, она подумала, что вот муж ее и сын ушли в храм, и ей стало ужасно одиноко. Непонятно зачем, она попросила Савву организовать ей крещение. Но после крещения ее как подменили. Она стала устраивать скандалы и истерики. На работе у нее не клеилось, сын ее не слушался, жизнь вся занеудалась. Вера попросилась пожить у мамы в дальней деревне. Савва отпустил.

Через сколько-то времени он поехал в деревню навестить жену, тем более что у нее намечалась встреча с бывшими одноклассниками, и она хотела познакомить его с ними. Одноклассники показались ему толстыми и вульгарными. Они выбрались на пикник у озера, берег которого переходил в чудесный цветущий луг. За купанием и разговорами с подвыпившими одноклассниками жены Савва не заметил, как потерял свой нательный деревянный крест. До самых сумерек он ходил по лугу и искал свою святыньку. Он молился сначала судорожно, потом плаксиво, потом просто клянчил у Бога. И вдруг произошло чудо, как если бы он нашел иголку в стоге сена: на высоком стебле цветка висел, покачиваясь, его крестик. Слава Богу! Савва растрогался и, поблагодарив Небеса за чудесное возвращение, позволил себе идти домой. Жена вернулась в город только в конце лета. На шее ее сиял огромный засос. На вопрос Саввы она ответила, что баловалась с младшей сестрой. Но через полгода, Великим постом, открылось простое: жена изменяла ему с каким-то деревенским мужичком, постоянно отпрашиваясь «съездить к матери». Савва выслушал ее, сердце было разбито, да и священник пре-

дупредил его потом на исповеди, что надо привыкать, что это надолго. Савва простил жену, с условием, что она исповедуется в храме.

Они стали жить дальше, но трещина в их браке поскрипывала и не уменьшалась. Савва подумал было, что венчание скрепит их брак. Но и после того, как я венчал их, лучше не стало. Жену как прорвало, она бесконечно рассказывала ему о своем «приключении» со всеми подробностями, в том числе о том, что засос ей поставил любовник на том самом лугу, где Савва потерял и нашел свой крест.

Начавший прозревать что-то Савва подарил свой деревянный крест другу, но крест сломался у того через неделю напополам. Савва отыскал свой первый крестик, надел его, но и тот скоро пропал бесследно во время бури на реке, когда они по колено в грязи выталкивали застрявшие машины. Савва понял, что, кажется, перемена креста – это перемена судьбы, и купил себе в храме новый серебряный крест. Эти его прозрения подтвердил еще один случай. На день рождения Саввы собрались друзья, и одна подруга, джазовая певица, подарила ему серебряный крестик, который был куплен ее жениху, с которым они недавно расстались. Весьма устрашившись такого подарка, Савва передарил его тут же своему другу Егору, который давно крестился, да вот креста себе не завел. Через два дня Егор заявился поздно вечером к Савве пьяненький. Он о чем-то говорил, потом вдруг замолчал, поднял свои небесно-голубые глаза, в них стояли слезы: «Слушай, Савка, я что-то в религию ударился». В глазах Егора стоял какой-то дивный свет, словно отблеск Царства Небесного. Подаренный крест был будто малой крупицей, кристаллизовавшей некую давно пресыщенную солью жидкость внутри него, душа его стала чем-то плотным и пламенеющим. После того вечера он стал понемногу меняться во вполне церковного человека.

Позже Савва стал Саввой Петровичем, преподавал в вузе теорию архитектуры и Закон Божий в воскресной школе своего храма. Архиерей давно заприметил его и предложил рукополагаться в диаконы, а потом и во священники. Но как только Савва рассказал жене о своем решении стать священником, жена ушла из дома. Совсем. Это переполнило чашу ее терпения. Савва стал жить домашним монастырем: он, сын и кот. Рукоположение отлагалось навсегда. Ну ничего. Он стал отцом-одиночкой, но не чувствовал одиночества, с ним были Бог, сын и студенты.

Савва Петрович стал вести для студентов библейский кружок. Среди его учеников самым начитанным был баптист Саша. Его отец и дед сидели в советское время в тюрьме за свою веру, Саша тянулся к православию, но семейные узы удерживали. В библейском кружке много и свободно говорили про Евангелие, о трудах святых отцов. К этому времени Саша женился на Светке, которая из православия перешла к баптистам после трехлетних бесплодных походов в храм: она так и не исповедалась ни разу, никто с ней в храме так и не заговорил. А на Пасху она встретила группочку баптисток, которые стали обнимать ее и целовать: «С воскресением Христовым, сестра! Бог любит тебя. Аллилуйя!» Светлана стала баптисткой, да еще и весьма суровой. Все попытки мужа обратиться в православие она решительно пресекала. А он любил ходить к Савве Петровичу, которому, конечно, не очень нравилось, что баптисты не почитают святых и Божью Матерь, не признают икон и крестоношения…

Однажды Савва Петрович спросил Сашу:

– А ты когда-нибудь носил крест?

– Нет.

– Может, попробуешь? У тебя будет опыт крестоношения: вот ЧТО это такое? Крест – это судьба.

– Что-то не хочется.

– Знаешь, у меня был один студент. Он рассказывал мне, что в десятом классе поехал с одноклассниками в Рим. И там, в Риме, окруженный святынями, он проникся и купил себе крест и надел его на шею. Уже будучи студентом, стоя поутру перед зеркалом, он увидал

свой крест, к которому уже привык. И вдруг ему показалось это весьма глупым. «Зачем я его ношу? – спросил он себя. – Глупость какая-то». Он взял ножницы, перерезал шнурок и положил крестик перед зеркалом. Но когда он вышел во двор, почувствовал неладное. Словно бы голый, он стоял среди двора в полном смущении. Чего-то не хватало. Он вернулся домой, снова надел на себя крестик, вышел во двор и удивился: все стало на свои места. Нет смущения, а только покой и мир в душе. С тех пор уже крест никогда не снимал. Это стало для него важным. Теперь он – православный священник. Может быть, и тебе просто опытно нужно понять, что значит для тебя носить крест.

– Да, вот и наш пастор говорит, что Европа знает Христа без креста и только Россия продолжает нести крест Христов. Но я этого не понимаю, поэтому крест носить пока не стану.

* * *

В скиту были проблемы с электричеством. Насилу нашли в соседнем селе механика, который еще и в электричестве разбирался. Здоровый такой, волосатый, в грязной майке и монтерских штанах. И вот заходит он в храм и начинает свою речь с начальственного слова «так», словно бы хозяин обозревает свою вотчину.

Отец Фома сидит на стуле и громко, чтобы все слышали, говорит: «Мой папа учил, что человека, начинающего речь со слова „так“, сначала нужно бить в морду, а уж потом спрашивать, что он имел в виду».

Занудный отец Савватий подошел к электрику и спросил его:

– А я вот не понимаю, что такое электричество.

– Видите ли, – снисходительно начал электрик, – электричество – это поток заряженных частиц.

– Чего? Алюминия или меди в проводе? Еще Фалес тер янтарь об шерсть в седьмом веке до Рождества Христова. Что куда течет?

– Проще это можно назвать совокупностью явлений, обусловленных движением электрических зарядов.

– А электрические заряды – это понятие материальное или идеальное?

– Вообще это физическая скалярная величина, определяющая способность тел быть источником электромагнитных полей.

– А из чего состоит электромагнитное поле?

– Это поле, взаимодействующее с электрически заряженными телами, представляющее собой совокупность электрического и магнитного полей, которые могут при определенных условиях порождать друг друга.

– Заряды определяют поле, а поле есть свойство тела, в данном случае провода. Но…

– Вы вообще понимаете разницу между квантом и атомом?

Отец Фома встал со стула, устав слушать этот спор, прошептал себе под нос: «Лучше бы в морду дали…» и ушел в келью.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.